

Анн-Робер Жак ТЮРГО

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перевод И.А. Шапиро

М.: государственное социально-экономическое издательство. 1937

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и [Век Просвещения](http://vek-prosvещения.narod.ru), 2009. Сканированный текст книги разделен на 4 файла

(1) От издательства

Критические замечания о труде Мопертюи

Философские размышления о происхождении языков и о значении слов (март 1750)

(2) Письма к аббату Сисе-старшему

О системе Беркли «Происхождение наших знаний» (октябрь 1750)

Второе письмо: понятие о пространстве; существование тел; достоверность моего «я»; пространство и субстанция

Последовательные успехи человеческого разума

Речь, произнесенная в Сорбонне 11 декабря 1750 г.

(3) Рассуждение о всеобщей истории (план двух рассуждений)

Идея введения

Образование правительств и смешение народов (план первого рассуждения)

Прогресс человеческого разума (план второго рассуждения)

(4) Размышления о языках

I. Общие размышления и различные мысли (польза изучения языков для метафизики и истории)

II. Другие размышления о языках (примеры образования слов)

III. О слове «любовь» и о любви к богу

Существование

Определение

О понятии существования

Доказательства существования внешних существ

В нашей библиотеке

Подборка материалов на электронные материалы о Тюрго

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#turgot>

Ссылки на некоторые экономические труды Тюрго были собраны в нашем сообществе

ТОРГОВЛЯ ЗЕРНОВЫМИ:

Набросок письма генеральному контролеру Бертену о проекте эдикта Декларация короля, содержащая разрешение на оборот зерновых, муки и овощей по всему королевству с освобождением от всех пошлин, включая дорожные и мостовые

Эдикт короля относительно свободы вывоза и ввоза зерновых в королевстве

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВЕНСАНУ ДЕ ГУРНЭ

ЯРМАРКА

УЧРЕЖДЕНИЕ ФОНДОВ

ПЛАН РАБОТЫ О ТОРГОВЛЕ, ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ, ПРОЦЕНТЕ И БОГАТСТВЕ ГОСУДАРСТВ

ПИСЬМО АББАТУ ДЕ СИСЭ О БУМАЖНЫХ ДЕНЬГАХ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О РУДНИКАХ И КАМЕНОЛОМНЯХ

ПООЩРЕНИЕ МАНУФАКТУР (ПИСЬМО ТРЮДЭНУ)

ПИСЬМО ЮМУ

Размышления о создании и распределении богатств

Ценность и деньги

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79951619.htm>

Я.Захер. Тюрго

http://enlightment2005.narod.ru/papers/zakher_turgo.pdf

Тематические материалы:

Экономическая ситуация во Франции в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/econ_anc-reg.pdf

З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/z-ivanova.pdf>

Агония французского абсолютизма

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>

С.Сказкин. Старый порядок во Франции

История в источниках. Пособие для практических занятий

<http://narod.ru/disk/13111578000/skazkin.pdf.html>

ПИСЬМА К АББАТУ СИСЭ СТАРШЕМУ

О СИСТЕМЕ БЕРКЛИ „ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАШИХ ЗНАНИЙ“

Октябрь 1750 г.

Беркли пытается доказать, что существующая вне нас материя не является непосредственным предметом восприятия нашей души. Как докажет он, что это существо, находящееся вне нас, эта причина наших ощущений, этот общий центр, где последние сходятся и которое все люди называют материей, что она не существует? Я не собираюсь его опровергать, я вам изложу только мои взгляды.

Я поднимаю руку к предмету: я чувствую сопротивление и имею о нем представление через осязание; в то же время я вижу, что моя рука приближается к предмету, который мне уже показали мои глаза; я направляю мою руку с помощью моих глаз, я вижу, как она прикасается к предмету, который благодаря этому является общей причиной моих двух ощущений. Если бы моя рука существовала только в моей идее, последние не имели бы никакого отношения к предмету.

Вот еще нечто большее. Философствуя об отношениях моих ощущений к предметам, умножая рассуждения и опыты, я открываю, что все это происходит согласно известным законам. Я предполагаю наличие лучей света, отражающих предмет в моем глазу и преломляющихся в хрусталике. Следовательно, продолжая предполагать предмет и лучи существующими, я отсюда заключаю, что вставленные выпуклые стекла увеличат мне предметы, помогут мне открыть в них то, что ускользало от меня, благодаря их малым размерам. Я вырезаю стекло или, если хотите, идею стекла;

я помещаю его между идеей моего глаза и идеей предмета; предмет увеличивается; я в нем вижу новые предметы, постоянно следуя большему или меньшему расхождению, которое было бы между лучами, если они и стекло были бы реальными. Я смотрю через призму: предмет благодаря преломлению как будто более или менее увеличивается, в зависимости от большей или меньшей плотности призмы.

Какая же нелепость воображать, что бессмысленные предположения могут привести к заключениям, подтверждаемым опытом. Это же рассуждение может быть приложено так же хорошо к другим чувствам, как и к зрению.

Я добавляю: если тела не существуют, физика уничтожается. А сколько вещей доказываются физикой — давление воздуха, заставляющее ртуть подниматься в трубке; движение неба и земли, благодаря которому последняя поворачивает к солнцу последовательно свои различные точки. Откуда является ночь, если не вследствие помещения земли между солнцем и нами? Чем мы питаемся? Мы едим и без этого перестаем существовать. Но разве нас поддерживает представление о мясе и его вкус или его внешний вид? Нет, это делает невидимое пищеварение, происходящее во внутренних; они существуют только для хирурга, который вскроет их после нашей смерти. Кровь вытекает из укола, потому что она циркулирует в „несуществующих“ сосудах; так как они явно невидимы, то нужно считать, что сама кровь не существует!

Отношения, которые имеют наши идеи с идеями других людей, могут дать основание еще для другого рассуждения. По какой странности автор допускает идеи других людей? Разве мы их более непосредственно замечаем, чем другие предметы, и разве к ним нельзя подойти со всеми этими рассуждениями и т. д? Более того, откуда происходит то, что я вижу предмет достаточно большим и что человек, более от него удаленный, увидит его значительно меньшим? Если пространство, предмет, лучи света и мой глаз не существуют, если порядок наших идей, если реальность вещей существуют в порядке идей бога, почему различные люди видят один и тот же предмет различно или, если они видят не один и тот же предмет, что является общей связью их различных ощущений? Я вижу только произвол бога. Но что представит собой вся эта игра физических причин? Не

использует ли бог одну из них, чтобы нас ввести в заблуждение? Вопрос о случайных причинах не имеет здесь значения. Если будет доказана их невозможность, Беркли будет этим опровергнут, но их возможность и даже их реальность нисколько не говорят в его пользу. Впрочем, если бы пришлось выбирать между этими двумя мнениями, я склонился бы к признанию случайных причин.

Мое главное рассуждение основано на том, что Беркли очень искусно доказывает в своей теории зрения, что отношения между углами лучей недостаточны, чтобы нам дать понятие о расстояниях, и на том, что одним только опытом мы расстояние не можем познать, что я в то же время считаю не менее хорошо доказанным и против Беркли.

Ну, довольно об этом предмете. Вы дополните вашими размышлениями то, что недостает в моих.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

(Понятие о пространстве. Существование тел. Достоверность моего я. Пространство и субстанция.)

Я не вижу, чтобы можно было что-нибудь ответить на мое рассуждение против Беркли, которое я вам изложил в предыдущем письме. Он может сколько угодно нам говорить, что мы видим только наши идеи, изменения нашей души и что мы ничего не знаем о том, что находится внутри какой-либо вещи. Мальбранш точно так же выразился по отношению к настоящему вопросу, соглашаясь, что мы не видим *тел самих по себе*. „Но, — добавляет Беркли, — ясно, что ничто, подобное нашим идеям, не может существовать вне нас, потому что существо, являющееся реальным лишь постольку, поскольку оно *видимо*, не может существовать, *будучи невидимым*“.

Он приводит еще другие доказательства, которые не большего стоят. Нет надобности долго останавливаться на этом ребяческом вопросе — подобна или нет ощущениям причина наших ощущений.

Я поддерживаю, что материя, существующая вне нас, имеет геометрические свойства, зависящие от расстояния, и, следовательно, имеет фигуру и движение.

Вспомните рассуждения, которыми я доказываю существование тел, выводимое как общая причина наших ощущений и ощущений различных людей; все ощущения относятся к этим внешним предметам, согласно тем же законам, основанным на порядке наших ощущений. По Беркли, это было бы странной и непонятной последовательностью, но она по необходимости вытекает из предположения о существовании материи.

Я беру из этого рассуждения один частный случай из тысячи, которые оно может дать. Я вижу различные предметы, и Беркли не сможет отрицать, что между тем, что я называю *предметом* и другой *идеей*, которая, мне кажется, более мне принадлежит и которую я называю *я*, я замечаю третью идею, которую я называю расстоянием между предметом и мною. Он также не сможет отрицать того, что весь этот способ видеть я мог бы назвать — *видеть предметы вне меня*.

Я ищу, какая может быть причина этих восприятий предметов. После многих рассуждений и опытов я прихожу не к заключению, что вне меня существуют тела, которые вызывают эти восприятия (в этом я никогда не сомневался), а к тому, что тела непрерывно посылают лучи, которые доходят до моего глаза, в нем преломляются, скрещиваются и, ударяя в различных точках на сетчатку, передают душе ощущение, которое она относит к концам этих лучей. Это еще только схема. Но скоро я заключаю, что, в зависимости от различной длины этих зрительных лучей, одно и то же тело должно казаться меньшим или большим; и так как я имею возможность, представляя себе, *что я иду*, по желанию изменять идею, которую я назвал *расстоянием от меня к предмету*, то я приближаюсь к данному предмету — и я его вижу большим, я удаляюсь от него — и вижу его меньшим. Я комбинирую то, что в моей гипотезе получается от зрительных лучей. Если между телом и мною я помещаю выпуклое стекло, я заключаю, что тело должно мне казаться большим. Действуя в соответствии с этим, я пользуюсь телескопом или микроскопом. Ясно, что гипотеза, все положения которой так хорошо подтверждаются опытом, реальна и что, следовательно, мои зрительные лучи, мой предмет, мой глаз, мой микроскоп действительно существуют вне меня. Эти зрительные лучи, которые я только предпо-

жил, которые в системе Беркли совсем не существуют, ибо не видимы, суть, однако, начало, связывающее весь порядок моих ощущений. Это же рассуждение я могу приложить к системе давления воздуха на ртуть, находящуюся в трубках, к системе Коперника и Ньютона.

Сила этого рассуждения в нашем случае частично основана на том, что материальные начала, реально существующие, действуют, хотя нечувствительно, между тем как то, что не существует, не может ни действовать, ни влиять на *порядок* наших идей; по Беркли же, эти лучи и пр. не существуют, потому что *они невидимы*. Добавлю, что в его системе этот порядок идей является наиболее необъяснимой вещью.

Я хорошо понимаю, что если я ем, то мне нужен желудок и внутренности для пищеварения; но если я не ем или если я ем только в идее, если мой желудок, которого я не вижу, *ничто*, почему тот, кто вскрывает мое тело, получит идею желудка, столь же мало полезного для него, как для меня? Я вам уже говорил об этом, но когда хочешь проникнуться идеей, не мешает ее повторить.

Отношение, существующее между средствами и их целью, отношение столь очевидное во всей природе, исчезло бы, если бы все было только совокупностью идей. Словом, все объясняется при предположении существования тел, все темно и странно, если это существование отрицается. Сколько неприятных ощущений, в особенности те из них, которые нас предупреждают об опасностях нашего тела, были бы только жестокой игрой со стороны бога, если бы тела не существовали! Но существование внешних предметов доказано.

Но те же рассуждения доказывают, что геометрические свойства, которые мы приписываем пространству, принадлежат материи, так как они доказывают, что лучи света образуют между собой различные углы, стороны которых заканчиваются существующим предметом. Отсюда я заключаю, что существующий предмет является основанием конуса или пирамиды лучей, которая имеет свою вершину в моем глазу, и что, следовательно, различные точки этих предметов, которые заканчивают различные лучи, имеют между собой различные пространственные отношения, обусловленные формой фигур. Как только мы предполагаем реальным, а не идеальным, пространство между двумя предметами, то, поскольку это

пространство непостоянно, постольку тем самым с очевидностью доказывается реальность движения физического мира.

Этой связью физического мира с нашими идеями и с идеями других людей я также объясняю достоверность памяти и тождество своего я. Одним словом, поскольку наши идеи являются только нашими идеями, постольку я могу убедиться в существовании другой вещи, вне их лежащей, только путем рассуждения об их причинах, образуя гипотезы, точное отношение которых к явлениям служит для них проверкой. Беркли не убеждается иным путем о существовании людей, с которыми он общается; почему же хочет он, чтобы тот же самый довод, который доказывает ему существование людей, терял свою силу, когда речь идет о существовании материи? Доказал ли он невозможность этого? Знает ли он природу вещей настолько, чтобы доказать противоречивость положения о существовании вне его существ, имеющих между собой отношения расстояния?

Но, скажут, эти отношения расстояния суть отношения идеальные, соответствующие только видоизменениям моей души. Это затруднение независимо от существования предметов вне нас. Существует ли или нет вне нас материя, достоверно, что, поскольку мы относим наши ощущения цвета или сопротивления к большим или меньшим расстояниям, постольку мы себе представляем вне нас геометрические фигуры, стороны которых неодинаковы и которые мы делим по нашему усмотрению. Если бы Беркли допускал, что деление реально, он устранил бы весь спор, но он поддерживает, что оно *идеально*. Не может ли существовать реальное деление вне моей души, потому что в моей душе имеется идеальное деление?

Что вводит в заблуждение Беркли, так это его предположение, будто установлено, что внешние предметы подобны нашим идеям; это отнюдь не так. Я доказываю только, что внешние предметы имеют геометрические свойства, зависящие от расстояний, т. е. фигуру и движение, по необходимости принадлежащие сложным телам. Правда, эту фигуру и это движение представляют наши идеи, но это одинаково непонятно в его системе, как и в нашей. Трудность заключается в самом факте, а факт имеется во всех системах.

Его рассуждение, выведенное из сравнения первичных и вторичных качеств, не стоит большего. Он уверен, что мы охотно поддерживаем в одно и то же время, что цвета, вкус

и т. д. суть только видоизменения нашей души и что пространство существует вне нас не потому в самом деле, что я познаю пространство независимо от всякого цвета и что я не могу постигать цвет без пространства, но потому, что я знаю, что вкус, цвета и т. д. производятся во мне физическими движениями моих органов.

То же самое можно сказать об идее пространства; вне меня существует не моя идея пространства, а протяженная материя, существование которой я доказал доводами, которые нельзя было бы применить к цветам. Для объяснения порядка идей и ощущений достаточно, чтобы зрительные лучи могли возбудить в нас ощущения цветов и т. д., — то, что они могут сделать одним движением; но идею пространства они не могут нам дать, не образуя между собою углов и, следовательно, без предположения о существовании пространства вне нас.

Беркли не смешал бы так пространство с тем, что древние философы называли *вторичными качествами*, если бы он хорошо проанализировал способ, которым мы благодаря чувствам приобретаем идею о пространстве. Лучи света рисуют на сетине картину, каждая точка которой является концом луча. Так как лучи сообразно своим различным скоростям возбуждают в нас чувство различных цветов, каждое тело имеет на этой картине изображение, его отличающее. Если бы душа относила свое ощущение к точке, где лучи соединяются, она не имела бы никакой идеи потому, что нельзя иметь идею цвета без идеи пространства. Если бы она относила свое ощущение к сетине, мы увидели бы предметы в обратном положении; но так как она относит ощущения к расстоянию, взятому по длине луча, ощущение, соответствующее каждому лучу, делает точку в идеальной картине, которая предполагается на известном расстоянии от глаза и которая, таким образом, рисуется соединением разноцветных точек. Итак, идея пространства нам дает соединение точек, к которым мы относим наши ощущения, каков бы ни был их характер. Не только наши цвета, образуя ощущение, абсолютно отличное от других, дает нам, однако, одинаковую идею о пространстве, но мы получаем ее еще от того ощущения сопротивления, которое в нас возбуждает осязание. Одним словом, наши ощущения суть в некотором роде элементы и точки картины, которую душа себе образует о пространстве.

Сказанное доказывает, что мы не можем вообразить пространство без цвета, когда мы его себе представляем существующим на некотором расстоянии от нас, и в то же время мы получаем о нем идею посредством осязания, которое как будто не имеет никакого отношения к идеям, получаемым от цветов (потому что ощущение не действенно), хотя по отношению к последствиям и к геометрическим свойствам идея абсолютно одна и та же.

Только два чувства (зрение и осязание.— *Пер.*) дают нам идею фигур, ибо никакое другое не доставляет нам ощущений, которые мы могли бы отнести ко многим определенным точкам. Звук, хотя дает нам иногда идею расстояния, не мог бы нам дать идею фигуры, потому что он распространяется не по прямой линии, и поэтому мы не можем его отнести к той или иной точно определенной точке. Но такие ощущения, которые сами по себе не дают идеи точно определенного пространства, как холод или тепло, могут нам ее дать, как только мы можем посредством осязания отнести их к известному количеству точек.

Таким образом, необходимо тщательно отличать идею пространства от ощущений, хотя эту идею можно постигать только через некоторое ощущение и хотя последнее служит для нее началом. Ощущения нам дают эту идею не вследствие природы того или иного ощущения, голубого или красного цвета, шероховатости или гладкого, твердости или жидкости, но единственно благодаря тому, что мы их легко относим к различным определенным точкам, находящимся либо на далеком расстоянии, как при зрении, и тогда всегда по прямой линии, либо на поверхности нашего тела, как во всех ощущениях, которые мы получаем посредством осязания.

Беркли еще старается доказать, что пространство не является *субстанцией*. Я не отвечу на его рассуждения. Я вам скажу только, что ни Локк, ни он сам не понимают истинного происхождения идеи субстанции и что они смешивают два термина *субстанция* и *эта субстанция* и два вопроса *является ли пространство субстанцией вообще или в частности*. Я бы лучше объяснился по этому поводу, если бы имел перед глазами то, что я написал против Мопертюи, чтобы доказать *существование* тел и чтобы ответить на рассуждения Беркли.

Еще одно слово о гипотезе, которой он заменяет общую

гипотезу Беркли утверждает, что общая причина наших ощущений и наших идей не что иное, как *порядок идей бога*, которые он сделал ощутимыми во времени для созданных им душ. Я отнюдь не останавлиюсь на множестве метафизических затруднений, которые вызывает эта система. Я замечу только, что он не объясняет того, что нужно объяснить. Вопрос заключается в следующем: почему ряд моих идей всегда имеет известные отношения с рядом идей других людей — отношения, единственно регулирующие теми отношениями, которые мы имеем как одни, так и другие с предметами, существующими, как мы предполагаем, вне нас? Но в чем проявляются здесь *идеи бога*? Не в различных ли идеях, которые являются причинами идей различных людей? Тогда откуда происходит существующее здесь отношение с предметами, находящимися вне нас? Не та ли самая *идея бога* вызывает во мне идею белого, в вас идею желтого, во мне идею дома с моей правой стороны, в вас идею темной массы длиной десять футов с вашей левой стороны? Есть ли *между идеями бога* отношения расстояния? Отражают ли они цветные лучи? Видимы ли они согласно правилам перспективы? И на чем основаны эти правила?

Пожалуй, достаточно, чтобы показать смехотворность системы.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ УСПЕХИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В СОРБОННЕ
11 ДЕКАБРЯ 1750 г.

Явления природы, подчиненные неизменным законам, заключены в круге всегда одинаковых переворотов. Все возрождается, все погибает; и в последовательных поколениях, через которые растения и животные воспроизводятся, время в каждый момент только воссоздает образ того, что оно само разрушило.

Последовательное движение людей, напротив, представляет из века в век всегда меняющееся зрелище. Разум, страсти, свобода беспреестанно порождают новые события. Все эпохи сплетены цепью причин и следствий, связывающих данное состояние мира со всеми предшествовавшими состояниями.

Знаки языка и письменности, давая людям средство обещать себе обладание своими идеями и сообщать их другим, образовали из всех частных знаний общую сокровищницу, переходящую как наследство от одного поколения к другому и все увеличивающуюся открытиями каждого века. И человеческий род, рассматриваемый с момента своего зарождения, представляется взорам философа в виде бесконечного целого, которое само, как всякий индивидуум, имеет свое состояние младенчества и свой прогресс.

Мы видим, как зарождаются общества, как образуются нации, которые поочередно господствуют и подчиняются другим. Империи возникают и падают; законы, формы правления следуют друг за другом; искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном движении, они переходят из одной страны в другую. Интерес, честолюбие, тщеславие обуславливают непрерывную смену событий на мировой сцене и обильно орошают землю человеческой кровью. Но в процессе вызванных

ими опустошительных переворотов нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и годы бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству.

Указанные нам пределы лишают нас возможности представить вам здесь столь грандиозную картину. Мы попытаемся только показать непрерывность прогресса человеческого разума. И некоторые размышления о зарождении, развитии, и об изменении наук и искусств, расположенные в последовательном порядке исторических фактов, образуют весь план этой речи.

* * *

Священные книги, просвещая нас о создании вселенной, происхождении людей и зарождении примитивных искусств, показывают нам затем человеческий род, сызнова сокращенным вследствие всемирного потопа до единой семьи.

Едва только он начал восстанавливать свои потери, как чудесное разделение языков заставило людей разбиться на отдельные группы. Необходимость заботиться об удовлетворении настоятельных потребностей питания в бесплодных пустынях, где встречались только дикие животные, вынудила людей рассеяться по всем направлениям и ускорила распространение их по всему миру. Вскоре изначальные традиции были забыты. Народы, разделенные широкими пространствами и еще более различием языков, чуждые друг другу, были почти все повержены в такое же варварство, в котором мы находим еще туземцев Америки.

Но средства природы и плодоносные зародыши наук наносятся всюду, где появляются люди. Наивысшие знания являются и только могут быть развитием или сочетанием первичных чувственных идей, подобно тому как здание, высота которого наиболее удивляет нас, необходимо опирается на землю, которую мы топчем ногами. И те же чувства, те же органы, зрелище одной и той же вселенной дали людям всюду те же идеи, как одни и те же потребности и склонности научили их всюду одним и тем же искусствам.

Слабый свет начинает прорезывать густой мрак, покрывавший все нации, и распространяется все далее и далее. Жители

Халдеи, более близкие к источнику изначальных преданий-египтяне и китайцы оказываются впереди всех остальных на родов. Другие следуют за ними поодаль; одни успехи приводят к новым успехам. Неравенство между нациями увеличивается: здесь искусства начинают зарождаться; там они идут большими шагами вперед к своему совершенству; далее они отстаиваются в своей посредственности; в других местах изначальный мрак еще не рассеялся. И в этом неравенстве, до бесконечности разнообразном, нынешнее состояние вселенной, представляя одновременно все оттенки варварства и цивилизации, некоторым образом показывает нам при одном только взгляде следы и памятники всех шагов человеческого разума, картину всех ступеней, через которые он прошел, и историю всех эпох.

Разве природа не всюду одинакова? И если она приводит всех людей к одним и тем же истинам, если даже их заблуждения имеют общее сходство, почему люди не идут в ногу по начертанному для них пути? Без сомнения, человеческий разум всюду включает начало одного и того же прогресса; но природа, которая неравномерно распределяет свои блага, дает некоторым умам обилие талантов, отказывая другим; благодаря обстоятельствам эти таланты развиваются или увядают во мраке, и бесконечное разнообразие этих обстоятельств порождает неравенство прогресса народов.

Варварство уравнивает всех людей; и в изначальные времена люди, одаренные от рождения гениальными способностями, встречают почти одинаковые со всеми препятствия и одинаковую поддержку.

Между тем общества образуются и расширяются; взаимная ненависть народов, честолюбие, или вернее, жадность, в которую единственно выливается честолюбие варваров, умножают войны и опустошения; завоевания, революции смешивают на тысячу ладов народы, языки и нравы. Горные цепи, великие реки и моря, задерживая движения и, следовательно, смешения народов, в известных пределах благоприятствуют образованию общих языков, ставших связывающими звеньями для многих наций, и способствуют разделению каждого народа на классы. Земледелие делает жителей более оседлыми; оно прокармливает количество людей гораздо большее, чем требуется для возделывания земли, и поэтому налагает на остающихся праздными необходимость сделаться для земледельцев либо

полезными, либо опасными. Отсюда города, торговля, ремесла, утилитарные и изящные искусства. Отсюда же разделение профессий, различие в воспитании, гораздо большее неравенство в условиях существования. Отсюда этот досуг, благодаря которому гений, избавленный от тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, выходит из узкой сферы, в которой они его удерживали, и направляет все свои силы к разработке наук. Отсюда более мощный и более быстрый подъем человеческого разума, увлекающего за собой все части общества и черпающего в их совершенствовании новые силы.

Страсти развивались наряду с гением, честолюбие возрастало, политика открывала пред ним все более широкие перспективы, победы имели более серьезные последствия и обусловили образование империй; законы, нравы, формы правления, оказывая различные влияния на развитие гения, породили род общего воспитания народов и установили между народами такие же различия, какие воспитание устанавливает между людьми.

Империи, соединяемые, вновь разделяемые, восстанавливаемые одни на развалинах других, быстро сменялись. Перевоороты в них вызвали последовательно смену всех возможных государственных состояний, сблизили и разъединили все элементы политических образований. Подобно колебанию морского уровня, вследствие прилива и отлива, могущество одной нации переходило к другой и в недрах одного и того же народа от государей к толпе и от толпы к государям. В этих изменениях все колеблющееся постепенно приближается к состоянию равновесия и со временем принимает более прочное и более спокойное положение. Честолюбие, создавая великие государства из обломков маленьких, само устанавливает пределы своим опустошениям; война разоряет только границы империи; города и деревни начинают дышать в атмосфере мира; люди все теснее связываются общественными узами; сообщения становятся более быстрым и более широким, и искусства, науки и нравы идут в своем поступательном движении более быстрыми шагами. Подобно тому как морские волны спадают тотчас по прекращении бури, их вызвавшей, неизбежные бедствия революций быстро исчезают, благо остается, и человечество совершенствуется. В процессе этого разнообразного сочетания событий, то благоприятных, то неблагоприятных, противоположные действия которых должны со временем взаимно уничтожиться, гений, который природа,

неравномерно распределяя между людьми, распространила, тем не менее, на всю массу человечества в почти равных объемах на равных расстояниях, — гений действует непрерывно, и его влияние постепенно становится заметным.

Его движение, вначале медленное, игнорируемое, скрытое во мраке общего забвения, в которое время повергает дела людские, делается быстрым и видимым благодаря изобретению письменности.

Драгоценное изобретение! Оно будто наделило крыльями народы, достоянием которых оно раньше сделалось, чтобы опередить другие нации. Неоценимое изобретение, вырывающее у власти смерти память о великих людях и примеры добродетели; оно соединяет места и времена, закрепляет быстротечную мысль и обеспечивает ей продолжительное существование. Благодаря ему взгляды, опыты, открытия, производства всех эпох, увеличиваясь, служат потомству основанием и ступенью для постоянного усовершенствования.

Но какое зрелище представляет последовательность воззрений людей! Я ищу здесь успехов человеческого разума и вижу почти только историю его заблуждений. Почему его развитие, столь верное с первых шагов в области математических наук, является столь колеблющимся и столь подверженным заблуждению во всех остальных отраслях знания?

Попытаемся открыть причины.

В математике ум выводит последовательно одно из другого цепь предложений, справедливость которых доказывается их взаимоотношением. Не так обстоит дело в других науках, где познание истины рождается не из сравнения идей между собой, но из их соответствия с реальными фактами, служащими для открытия и утверждения истины. Речь идет не об установлении небольшого числа простых принципов, откуда разум мог бы последовательно выводить все вытекающие из них следствия. Отправным пунктом должна служить природа, какова она есть, и бесконечное различие явлений, обусловленных столькими, взаимно уравнивающимися причинами. Понятия не являются собранием идей, которые разум произвольно образует и точный объем которых он знает. Идеи рождаются и группируются в нашей душе почти независимо от нашей воли; образы предметов настигают нас уже в колыбели; постепенно мы научаемся их различать не столько по отношению к тому, чем являются они, рассматриваемые сами по себе, сколько по

отношению к той роли, которую они играют в наших обычаях и наших потребностях. Знаки языка запечатлеваются в еще слабом уме, связываются в силу привычки и подражания сначала с частными предметами, затем дают возможность вспоминать более общие понятия. Этот хаос идей и выражений беспрестанно увеличивается и смешивается, и человек, начиная искать истину, оказывается в лабиринте, куда он входит с завязанными глазами. Нужно ли удивляться его заблуждениям?

Созерцатель вселенной — он остается в неизвестности о причинах, последствиях которых показывают ему его чувства; а искать неизвестной причины путем исследований ее следствий — значит разгадать загадку, придумать одно или несколько слов, последовательно испытывать их, покуда отыщется одно, отвечающее всем условиям. Физик образует гипотезы, прослеживает их в следствиях, сравнивает их с загадкой природы, испытывает их, так сказать, на фактах, подобно тому как проверяют отпечаток, сличая его с печатью. Предположения, сделанные на основании немногих, плохо понятых следствий, уступают место другим, менее бессмысленным, но не более истинным. Время, исследования и случаи увеличивают наблюдения, вскрывают тайные связи, соединяющие многие явления.

Любопытство людей, тревожное, способное успокоиться только найдя истину, всегда возбуждается образом этой самой истины; оно стремится ее уловить, но она всегда как будто от него убегает, умножает вопросы и споры, заставляет все более точно анализировать идеи и факты.

Математические истины, становящиеся с каждым днем все более многочисленными и поэтому все более плодотворными, дают возможность строить более обширные и более точные гипотезы, указывают новые опыты, которые в свою очередь выдвигают для разрешения новые проблемы.

Таким образом, потребность совершенствуется орудие: математические науки опираются на физику, которую они сами освещают факелом своих точных вычислений. Все оказывается во взаимной связи. И, невзирая на своеобразие их развития, все науки оказывают друг другу взаимную поддержку. Итак, идя ощупью, умножая системы, обессиливая, так сказать, всевозможные заблуждения, люди достигают, наконец, возможности познать большое количество истин.

Какими сумасбродными воззрениями ознаменовались наши

первые шаги! Какие нелепые причины придумывали наши предки для объяснения наблюдаемых ими явлений! Какие печальные памятники, свидетельствующие о слабости человеческого разума!

Чувства представляют единственный источник его идей. Вся сила воображения ограничивается сочетанием чувственных понятий. Разум едва может образовать соединения, образец которых не дают ему чувства. Отсюда почти непреодолимая склонность судить о неизвестном на основании известного; отсюда эти обманчивые аналогии, которыми первобытные люди благодаря своему невежеству так легкомысленно злоупотребляли. Отсюда чудовищные заблуждения идолопоклонства: люди, забыв старые предания, пораженные затрагивающими чувства явлениями, предположили, что все действия независимо от их следствий совершаются существами, им подобными, но невидимыми и более сильными, и стали их боготворить. Созерцая природу, обращая свои взоры как бы только на поверхность глубокого моря, вместо того чтобы рассматривать дно, скрытое водами, они видели только свое собственное изображение. Все естественные предметы являлись для них богами; считая их созданными по образу и подобию людей, они приписывали им свойства и пороки последних. Суеверие осветило по всей вселенной капризы фантазии. И единственный истинный бог, единственно достойный обожания, был известен только в одном уголке земного шара народу, избранному этим богом¹.

В этом медленном, постепенном развитии воззрений и заблуждений, друг друга изгоняющих, образ запоздалой истины представляется мне в виде появляющегося из земли растения, первые листья и оболочки которого последовательно, по мере образования новых покровов, увядают и стебель которого, наконец, окончательно формируется и увенчивается цветами и плодами.

Горе тем народам, у которых благодаря слепому усердию к наукам последние с целью их закрепления были ограничены пределами знаний данного момента. Именно в силу этой причины в странах, где цивилизация впервые зародилась, науки отнюдь не достигли наибольшего прогресса. Уважение, которое блеск новшества внушает людям к зарождающейся фило-

¹ Еврейский народ в Палестине.— Прим. перевод

софии, стремится увековечить перлчные воззрения. К этому присоединяется дух сектанства, вполне естественный для первых философов. Ибо высокомерие питается невежеством; ибо чем менее человек знает, тем более он обнаруживает самоуверенности; ибо чем меньше открывали новых истин, тем труднее было видеть, сколько осталось еще открывать. Суеверие, которое в Египте и задолго до этого в Индии сделало учения древней философии священным и неотчуждаемым достоянием жреческих фамилий, связывало и включало их в догматы ложной религии. Политический деспотизм в передней Азии, обусловленный образованием больших империй в варварские времена, и гражданский деспотизм, порожденный рабством и многоженством, являющимся следствием рабства; изнеженность государей, унижение подданных, даже забота императоров в Китае об урегулировании изучения наук и приложения их к политическому устройству государства — все это задержало навсегда в этих странах науки в их изначальном состоянии. Эти стволы, слишком изобиловавшие ветвями вначале, скоро остановились в своем росте.

С течением времени образовались новые нации. В условиях неравенства развития наций просвещенные народы, окруженные варварами, то завоевателями, то побежденными, постепенно смешались с ними; насаждение искусств и законов среди последних совершалось либо в силу победы первых, либо, являясь победителями, варвары в силу естественной власти разума и просвещения над грубой силой были побеждены духовно, и невежество среди них беспрестанно уменьшалось.

Финикийцы, жители безводной страны, сделались руководителями обмена среди народов. Их корабли, плавая по всему Средиземному морю, начали открывать одни нации за другими. Астрономия, мореходное искусство, география взаимно друг друга совершенствовали. Берега Греции и малоазиатское побережье покрылись финикийскими колониями. Колонии подобны плодам, которые висят на дереве только до тех пор, пока созревают: став сильными, они сделали то, что затем сделал Карфаген, что некогда сделает Америка¹.

Благодаря смешению этих независимых друг от друга колоний с древними обитателями Греции и остатками всех варварских племен, последовательно опустошавших ее, образовалась греческая нация. Эта нация сложилась из массы мелких народностей, которым одинаковая слабость и природа страны, ограниченной горами и морем, препятствовали расширяться одним за счет других. Сверх того, целый ряд причин — ассоциации, общественные и частные интересы, гражданские и национальные войны, переселения, взаимные обязанности колоний и метрополий, общность языка, нравов и религии, торговля, общественные игры, *амфикиционный трибунал* — способствовал тому, что эти народности смешивались, разделялись и вновь соединялись на тысячи ладов. В процессе этих переворотов и благодаря этим многочисленным смешениям образовался тот язык, богатый, выразительный и благозвучный, на плодородной ниве которого пышно расцвели все виды изящной словесности.

Поэзия, которая является не чем иным, как искусством давать посредством слова художественные образы, и совершенствование которой столь сильно зависит от гения языка, достигла в Греции неизвестного ей доколе великоления. То было не искусство первобытных людей, у которых поэтическое произведение представляло собой ряд варварских слов, согласованных с размером дикой песни или с ритмом танца — столь же грубого, как и выражаемое им бурное веселье. Поэзия греков отличалась ей одной только свойственной гармонией. Слух, орган наиболее тонкий, был приучен к строгим правилам; и если вследствие этого стали предъявляться более тяжелые требования, то новые выражения и обороты, удачные вольности, соразмерно умножившиеся, давали возможность их удовлетворять.

Вкус осудил, наконец, громоздкие образы, сложные метафоры, в злоупотреблении которыми так повинна поэзия восточных народов.

В тех азиатских странах, где общества скорее приобрета-ли прочное положение, где скорее нарождались писатели, языки закреплялись в состоянии ближе к первоначальному, и поэтому напыщенность, являющаяся следствием изначального несовершенства языка, стала их характерной чертой. Языки

¹ 23-летний Тюрго, таким образом, предугадал событие, которое имело место четверть века спустя.— *Прим. перевод.*

выражают представления людей. В силу этого в первобытные времена существовали наименования только для предметов, наиболее часто воспринимаемых чувствами; для выражения же первичных представлений необходимо было прибегать к метафорам.

Изобретаемое вновь слово ничего не означало; нужно было путем сравнения его с наименованиями идей, подобных тому представлению, которое данное новое слово выражает, направить ум по пути того значения, которое ему желательно придать. Воображение научается улавливать нить некоторого сходства, связывающего наши ощущения с предметами, их вызвавшими. Неполное или отдаленное сходство порождает грубые и частые метафоры, которые употребляются в силу необходимости — более изобретательной, чем изящной, — которые осуждаются вкусом, которыми переполнены примитивные языки и следы которых филологи находят еще в языках даже наиболее культурных народов.

Языки, употребляемые по необходимости всеми людьми, часто людьми гениальными, со временем совершенствуются, когда они не закрепляются сочинениями, становящимися неизменным критерием для суждения об их чистоте. Частое употребление слова беспрестанно приводит к новым сочетаниям идей, заставляет замечать между ними новые отношения, новые оттенки и возбуждает потребность в новых выражениях. Сверх того, благодаря переселениям народов языки смешиваются, как реки, и обогащаются одни при помощи других.

Таким образом, греческий язык, явившийся продуктом смешения многочисленных языков, установившийся позже, чем азиатские языки, отличался гармонией, обилием и разнообразием. Окончательное торжество доставил ему Гомер, обогативший его сокровищами своего гения, и гармоничностью своей поэзии, прелестью своих выражений и величием своих образов; он поднял его на наивысшую ступень совершенства.

Впоследствии свобода, которая благодаря п. рзворотам, естественным в маленьких государствах, установилась во всех городах, на развалинах единовластия, сообщила гению греков новый подъем. Различные формы правления, которые поочередно ниспровергались то происками аристократии, то народными революциями, научили законодателей сравнивать, взвешивать все элементы общества и находить справедливое

равновесие между их силами. В то же время споры и комбинации интересов стольких соседних республик — честолюбивых, слабых и завистливых — заставили государства быть настороже, беспрестанно наблюдать за собой, уравнивать успех соседа союзами и совершенствовать одновременно политику и военное искусство.

Лишь много веков спустя в Греции появляются философы, или, вернее, они появились тогда, когда изучение философии стало уделом некоторых умов, и она казалась достаточно обширной, чтобы занять их всецело. До этого момента поэты были одновременно единственными философами и единственными историками. Среди невежественных людей легко прослыть всезнающим. Но и в эпоху первых философов идеи не были еще достаточно ясны, факты были еще немногочисленны; царство истины еще не наступило; системы греческих философов могли быть только остроумны. Их метафизика, шаткая в наиболее важных истинах, часто суеверная или нечестивая, была только собранием поэтических сказок или набором непонятных слов; и сама их физика была не более, как легкомысленная метафизика.

Мораль, хотя еще несовершенная, менее чувствовала на себе младенчество разума. Возрождающиеся потребности, беспрестанно призывающие человека к обществу и заставляющие его подчиняться законам последнего, — этот инстинкт, это чувство добра и благородства, которое провидение запечатлело во всех сердцах, которое опережает разум, которое часто увлекает его самого помимо его воли, — приводит философов во все времена к одинаковым основным принципам науки о нравственности. Сократ вел своих сограждан по пути добродетели. Платон усыпал этот путь цветами; прелесть красноречия украшала даже его заблуждения. Аристотель, наиболее обширный, наиболее глубокий и наиболее истинно философский ум всей древности, первый внес факел точного анализа в философию искусства, и, открывая принципы достоверности и компетенции чувства, он подчинил неизменным правилам ход разума и даже порыв гения.

Счастливейший век, когда все изящные искусства распространили повсюду свой свет! Когда огонь благородного соревнования быстро сообщался из одного города в другой! Живопись, скульптура, архитектура, поэзия, история возвысились всюду одновременно, подобно тому как в большом лесу на

тысяче различных деревьев одновременно произрастают и пока- зываются их ветвистые верхушки.

Афины, управляемые декретами толпы, ораторы которой по своему усмотрению то успокаивали, то мучили ее бурные волны; Афины, где Перикл учил старейшин покупать государство за счет самого государства, расточать его богатства, дабы избавиться от необходимости давать о них отчет; Афины, где искусство управлять народом отождествилось с искусством его развлекать, доставлять пищу его слуху, глазам, его любопытству, всегда жадному к новостям, к празднествам, к удовольствиям, к непрекращающимся зрелищам, — Афины тем же порокам своего правительственного механизма, которые обуславливали их подчинение Лакедемони, обязаны были своим красноречием, своим вкусом, этим великолепием и блеском во всех областях искусства, сделавшим их образцом для всех народов.

.

В то время как афиняне, спартанцы, фивийцы последовательно добивались гегемонии над другими городами, македонское могущество, подобно реке, постепенно выходящей из своих берегов, медленно распространялось в Греции при Филиппе и стремительно наводнило Азию при Александре. Эта масса стран, это множество государств, из которых завоевания ассириян, мидян и персов, последовательно поглощаясь друг другом, образовали одно великое тело, как результат работы стольких завоевателей и стольких веков, вдруг распались с грохотом после смерти победителя Дария. Войны между полководцами обуславливали возникновение новых царств. Сирия, Египет становятся частью Греции и заимствуют язык, нравы и науки у своих победителей.

Торговля и искусства делают Александрию соперницей Афин; астрономия и математика были здесь возведены на ступень, которой они еще раньше не достигали. В особенности здесь пышно расцвела эрудиция, которая до этого времени была мало знакома грекам, — та наука, которая занимается менее вещами, чем книгами, которая менее стремится создавать и открывать, чем собирать, сравнивать и судить то, что уже создано и открыто, которая не идет вперед, но оглядывается назад, чтобы обозреть пройденный путь. Науки, требующие для своего изучения наиболее крупных дарований,

не всегда предполагают также наивысший умственный прогресс в общей массе людей. Есть умы, которые природа наделила памятью, способной сравнивать знания и распространять их так, чтобы они представлялись во всей их полноте. Но этим умам она в то же время отказала в смелости гения, изобретающего и открывающего себе новые пути. Предназначенные соединять старые открытия, освещать и совершенствовать их, эти умы, если не являются самоцветными камнями, то, как алмазы, с блеском отражают заимствованный свет, но в совершенной темноте они смешались бы с наиболее бесполезными камнями.

Известный тогда мир, мир, если можно так выразиться, коммерческий и политический, увеличился благодаря завоеваниям Александра. Междоусобицы его преемников представляли собой зрелище более обширное. И в этих столкновениях и колебаниях могущественных государств расположенные среди них маленькие греческие города, являясь часто ареной их сражений и страдая одинаково от опустошений всех воюющих сторон, чувствовали только свою беспомощность.

Красноречие не было уже более двигателем политики. С этого момента Греция, поверженная гибельными декламациями в мрак школьных споров, потеряла свою славу вместе со своей силой.

.

Между тем Рим в Италии точно в особом мире уже в течение многих веков непрерывным рядом побед стремительно шел к завоеванию вселенной. Победив Карфаген, он вдруг занял угрожающее положение среди наций. Народы дрожали и покорялись. Римляне, завоевав Грецию, узнали новую власть, власть разума и знаний. Их суровость и дикость смягчились: Афины обрели учеников среди своих завоевателей, а вскоре и соперников. Цицерон в Капитолии и в речах с трибуны обнаружил красноречие, почерпнутое из лекций греков. Но его поработанные учителя знали только правила этого искусства. Латинский язык, смягченный и обогащенный, просветил Африку, Испанию и Галлию. Границы цивилизованного мира совпадали с пределами распространения римского могущества, и два соперничающих языка — греческий и латинский — разделяли его между собой.

Римские законы, предназначенные для управления одним городом, были подавлены тяжестью всего мира. Свобода Рима

была потоплена в реках крови. Наконец, Октавиан один собрал плоды гражданских смут. Жестокий узурпатор, но умеренный государь, он дал империи спокойные дни. Его просвещенное покровительство оживило все искусства. Италия имела своего Гомера, правда, менее плодovitого, чем греческий, но более мудрого, более ровного, более гармоничного. Величие, разум и изящество соединились, чтобы создать Горация. Вкус совершенствовался во всех областях искусства.

Познание природы и истины бесконечно, как эти предметы. Искусства, предназначенные для удовлетворения нашего вкуса, ограничены, как мы сами. Время беспрестанно порождает новые научные открытия, но поэзия, живопись, музыка имеют точно определенный предел, обусловленный гением языков, способностью подражать природе и ограниченной чувствительностью наших органов, предел, к которому изящные искусства медленно приближаются, но перейти который они не могут. Великие люди века Августа достигли его и служат еще поныне для нас образцами.

Начиная с этого времени до момента падения империи, я вижу только общий упадок, где все низвергается.

Не поднимаются ли, таким образом, люди только для того, чтобы вновь пасть?

Тысячи причин способствовали извращению вкуса. Тирания, подавлявшая умы тяжестью своего режима; безумная роскошь, которая, являясь порождением тщеславия и рассматривая произведения искусства не столько как объекты вкуса к изящному, сколько как знак богатства, препятствует их совершенствованию, точно так же как просвещенная любовь к великолепию ему благоприятствует; страсть к новшествам у лиц, не наделенных даром изобретения, которая приводит их слишком часто только к искажению старого; подражание недостаткам великих авторов, заменившее даже усвоение их красот, — таковы главные причины упадка. Писатели появлялись во множестве в провинциях и искажали языки. Какие-то остатки древнегреческой философии, смешанной с восточными суевериями и массой пустых аллегорий, с нелепостями магии, овладели умами и заглушили здоровую физику, которая начала зарождаться в сочинениях Сенеки и Плиния Старшего.

Вскоре империя, предоставленная капризам солдат, становится добычей массы тиранов, которые, разрывая ее на части, подвергают провинции разорению и опустошению. Дисципли-

на в армии падает. Варвары севера проникают со всех сторон. Народы обрушиваются на народы, города превращаются в пустыни, поля остаются невозделанными. И Западная империя, ослабленная вследствие перенесения всех сил в Константинополь, отчасти разрушенная благодаря стольким непрекращавшимся опустошениям, наконец, распадается и предоставляет бургундцам, готам и франкам оспаривать друг у друга ее обширные развалины и основывают новые царства в различных частях Европы.

* * *

Могу ли я пройти молчанием этот новый свет, который, в то время как империя приближалась к своему падению, распространялся по вселенной, — свет в тысячу раз более драгоценный, чем свет наук и философии! Святая религия! Могу ли я забыть людей, познавших бога и рассеявших, наконец, мрак идолопоклонства! При почти полном упадке литературы, вы только одни выдвигали еще писателей, воодушевленных желанием обучать верующих или отражать нападения врагов веры! И когда Европа сделалась добычей варваров, только вы одни смягчали их дикость! Вы одни увековечили понимание забытого латинского языка! Только благодаря вам до нас дошел через столько веков, так сказать, дух столько великих людей, писавших на этом языке, и только вам мы обязаны сохранением сокровищницы человеческого знания, готовой исчезнуть.

Но рана человеческого рода была слишком глубока. Нужны были века, чтобы ее исцелить.

Если бы Рим был завоеван только одним народом, его глава сделался бы римлянином, и нация-завоевательница, как и ее язык, растворились бы в населении и языке империи. Тогда совершился бы процесс, неоднократно имевший место в истории мира, — процесс духовного подчинения и поглощения варварского народа-победителя покоренной и просвещенной нацией. Цицерон и Виргилий отстояли бы латинский язык, как Гомер, Платон и Демосфен защищали свой от римского влияния. Но слишком много народов и опустошений следовали друг за другом; слишком много пластов варварства нагромождалось, чтобы все наносное могло скоро исчезнуть и уступить силе римской цивилизации. Завоеватели, слишком многочисленные, слишком преданные

войне, были в течение многих веков слишком заняты своими внутренними раздорами. Гений римлян угас, и их язык, смешавшись с германскими наречиями, был забыт.

Образующийся новый язык, отличный от каждого из двух смешивающихся, является результатом этого смешения. Но проходит достаточно времени, прежде чем он окончательно формируется. Память, балансируя между двумя языками, останавливается случайно на выражениях одного или другого. Аналогия, т. е. искусство образовывать спряжения и склонения, выражать отношение между предметами, располагать выражения в речи, не имеет более точно определенных правил. Идеи связываются нестройно, гармония и ясность языка отсутствуют. Налейте две жидкости в один сосуд: они будут мутиться, темнеть и вновь станут так же прозрачными, как были до смешения, только тогда, когда время сделает их взаимное проникновение более полным и полученную смесь однородной. Таким образом, пока новый язык в течение длинного ряда веков конструируется, приобретая свой характер и оттенки, поэзия, красноречие и вкус почти всецело исчезают. И пока новые европейские языки зарождались и формировались в хаосе первоначальных латинско-германских наречий, невежество и грубость господствовали повсюду.

Несчастливая империя Цезарей! Новые бедствия преследуют тебя до последних пределов, ускоряя момент твоего падения! Варварство разрушает одновременно все убежища искусств. И ты, Греция, слава твоя ведь померкла! Север, наконец, оказывается обессиленным, и новые тучи навигают на юге на те провинции, которые не изведали еще чужеземного ига.

* * *

Знамя ложного пророка объединило всех монахов, блуждавших в пустынях Аравии. Не прошло и ста лет, как Сирия, Персия, Египет, Африка покрылись волнами стремительного потока, охватившего в своих опустошениях пространство от границ Индии до Атлантического океана и Пиринеев. Греческая империя, сжатая в тесных границах, опустошаемая на юге сарацинами и затем турками, на севере болгарами, раздираемая внутри заговорами и частой сменой правителей, впадает в состояние слабости и вялости. И люди, погрязшие в трусливой лени, перестают заниматься усовершенствованием наук и искусств.

Напрасно Карл Великий на западе пытался раздуть некоторые искры огня, покрытого пеплом; их вспышка была так же недолговечна, как и слаба. Вскоре раздоры его вассалов нарушили спокойствие созданной им империи.

Между тем север извергал еще из своих недр новых разрушителей: норманы, венгры покрыли Европу новыми развалинами и новым мраком. Общая слабость монархов обусловила почти повсеместное падение единодержавия. Уничтоженная королевская власть усугубила место массе мелких феодалов, подчиненных друг другу, среди которых ленные законы поддерживали какое-то ложное подобие порядка в атмосфере увековечиваемой ими анархии.

Короли без власти, разнузданные дворяне, порабощенные народы; деревни, покрытые укреплениями и беспрерывно опустошаемые; войны, возникающие между городом и городом, между деревней и деревней, пропитывающие взаимной враждой, так сказать, всю массу королевств; полный застой в торговле, перерыв всех сообщений; города, населенные бедными ремесленниками, учреждения, которые не побуждают к соревнованию; богатство и досуг, погибающие в праздности дворянства, рассеянного там и сям в своих замках и умеющего только предаваться бесполезным для отечества войнам; невежество, наиболее грубое, распространенное на все нации и на все профессии, — такова печальная, но очень похожая картина Европы в течение многих веков.

Тем не менее, из недр этого варварства некогда выйдут науки и усовершенствованные искусства. Среди невежества незаметный прогресс подготавливает блестящие успехи последних веков. Под этой почвой развиваются уже слабые корни будущей жатвы. Города у всех просвещенных народов являются, по своей природе, центром торговли и общественных сил. Они стали сильными. И если феодальное законодательство — продукт сочетания старых германских обычаев с случайными обстоятельствами — их унижало, то это было противоречием в государственном строе, которое должно было со временем исчезнуть. Вскоре города благодаря покровительству королей пробуждаются. Государи, простирая руки народам, ослабляют своих вассалов и постепенно восстанавливают свою собственную власть.

В университетах уже изучали латынь, богословие с диалектикой Аристотеля. Арабы издавна усвоили греческую фило-

софию, и их знания распространялись на западе. Они успешно разрабатывали математические науки, которые более, чем всякие другие, независимы от совершенства вкуса и, может быть, даже от справедливости разума. Изучение их неминуче приводит к истине. Однако всегда ясные, чистые математические истины появились на свет, окруженные заблуждениями астрологии. Нелепые надежды на открытие философского камня, побуждая арабских философов отделять и соединять элементы тел, обусловили зарождение под их руками необъятной науки — химии. Эта наука распространилась всюду, где люди могут быть обмануты своими алчными желаниями. Наконец, механические искусства совершенствовались во всех областях в силу только влияния времени, ибо, ввиду того что и в период упадка наук и порчи вкуса жизненные потребности не становятся менее настоятельными, невозможно, чтобы среди массы лиц, деятельность которых направлена к удовлетворению этих потребностей, т. е. среди ремесленников, не встретился какой-нибудь из тех гениальных людей, которые смешаны с остальными смертными, как золото с песком.

Какая масса изобретений, неизвестных древним и обязанных своим появлением варварскому веку! Ноты, векселя, бумага, оконное стекло, большие зеркальные стекла, ветряные мельницы, часы, зрительные трубы, порох, компас, усовершенствованное мореходное искусство, упорядоченный торговый обмен и т. д. и т. д.

Искусства суть не что иное, как умение использовать силы природы, и практическое применение искусств является только рядом физических опытов, благодаря которым эти силы все более и более открываются. Факты накаплиются во мраке невежественных времен, и науки, прогресс которых совершается хотя незаметно, но непрерывно, должны когда-нибудь возродиться, увеличенные новыми богатствами, подобно тем рекам, которые, скрываясь некоторое время от наших взоров в подземном канале, вновь появляются на отдаленном расстоянии более широкими, вследствие притока всех подпочвенных вод.

Разнообразные следствия событий, совершающихся в различных концах мира, различными путями стремятся к одной конечной цели — поднять человеческий разум из его развалин. Так, в течение ночи звезды последовательно появляются на

небе и обегают каждая свою орбиту кажется, что они в своем общем передвижении увлекают с собой всю небесную сферу и приводят нам наступающий вслед за их удалением день.

Германия, Дания, Швеция, Польша, благодаря заботам Карла Великого и Оттоманов, Россия, благодаря торговле с греческой империей, — постепенно утрачивали свою первоначальную дикость. Христианство, собирая варварские народы, закрепляя их в городах, уничтожило навсегда источник несчастий, столько раз губительно отражавшихся на науках. В Европе царит еще варварство, но свет знаний распространяется на народы еще более варварские, оказывая на них весьма благотворное влияние. Постепенно исчезают нравы, занесенные из Германии на юг Европы. Народы в период борьбы дворянства с государями начинают вырабатывать себе принципы более прочного образа правления, которые в силу разнообразия условий существования каждого народа приобретают особенности, отличающие их друг от друга. Войны против мусульман в Палестине, являясь общим делом всех христианских государств, способствуют их взаимному сближению и объединению, бросают семена той новой политики, которая рассматривает столько наций, как образующие как бы единую обширную республику.

Во Франции вновь возрождается королевская власть; в Англии устанавливается народовластие; итальянские города превращаются в республики и воссоздают картину древней Греции; маленькие монархии Испании изгоняют мавров и постепенно сливаются в одно государство.

Вскоре, благодаря изобретению компаса, моря, разделявшие раньше народы, становятся для них связующими звеньями. Португальцы на востоке, испанцы на западе открывают новые миры. Вселенная, наконец, становится известной.

Смешение варварских языков с латинскими породило уже в преемственности веков новые языки. Из них итальянский, менее удаленный от их общего источника, более свободный от чужеземных элементов, первый достигает изящества стиля и красот поэзии.

Оттоманы, распространяясь в Азии и Европе с быстротой порывистого ветра, окончательно разрушают Восточную империю и рассеивают на западе слабые искры наук, сохранившихся еще в Греции.

Но вот нарождается новое искусство, которое заставляет произведения и славу появляющихся великих людей распространяться повсеместно, которое ускоряет прогресс во всех его видах.

В течение двух тысяч лет граверы, изготовляя медали, показывают людям возможность делать оттиски на меди, и лишь спустя столько веков обыкновенному смертному приходит в голову мысль, что можно делать оттиски на бумаге. Вскоре сокровища древности, извлеченные из пыли, становятся для всех доступными, проникают всюду, освещают путь талантам, которые затерялись бы во мраке, призывают гений из глубины его убежища.

Момент наступил. Европа, выйди из покрывающего тебя мрака! Бессмертные имена Мёдичи, Льва X, Франциска I, будьте святы навсегда! Сколько покровителей искусств разделяют славу тех, которые их разрабатывают!

Приветствую тебя, о Италия! Счастливая страна, ставшая вторично отечеством наук и вкуса, источником, воды которого разлились кругом широкой рекой, оплодотворяя нашу почву. Франция созерцает твои успехи еще только издали. Ее язык, зараженный еще остатками варварства, не может за ними поспевать. Вскоре гибельные смуты взволновали всю Европу. Смелые люди поколебали основы веры и власти. Могут ли цветущие стволы изящных искусств расти, поливаемые кровью? Настанет день, и он уже близок, когда они украсят все страны Европы.

Время, расправь свои быстрые крылья! Век Людовика, век великих людей, век разума, спешите!

Благосостояние государств, долго неустойчивое в период религиозных волнений, точно в силу последнего толчка уже приобрело, наконец, разумную прочность. Упорное изучение древности вновь подняло умы на тот уровень, на котором она остановилась. Масса фактов, опытов, орудий и остроумных приемов, накопленных в течение стольких веков практическим применением искусств, уже извлечена из мрака благодаря книгопечатанию. Продукты двух миров, собранные всеобъемлющей торговлей, легли в основание физики, дотоле неизвестной, избавленной, наконец,

от чуждых ей умозрений. Внимательные взоры со всех сторон сосредоточены на природе. Малейшие благоприятные случайности порождают открытия. Сын зеландского ремесленника, играя, составил из двух выпуклых стекол первую зрительную трубку. Границы, доступные нашим чувствам, были раздвинуты, и в Италии глаза Галилея открыли новое небо. Кеплер, отыскивая в светилах числа Пифагора, нашел два знаменитых закона о движении планет, которые впоследствии под руками Ньютона сделаются ключом вселенной. Бэкон начертал потомство путь, по которому оно должно следовать.

Но вот смертный дерзает отбросить знания всех эпох и даже понятия, которые он считает наиболее ясными. Он точно хочет потушить факел наук, чтобы его вновь зажечь у чистого огня разума. Не хотел ли он подражать тем народам древности, у которых считалось преступлением зажигать у чужих костров огонь, долженствовавший гореть на алтаре богов? Великий Декар! Если тебе не дано было всегда находить истину, ты, по крайней мере, разрушил тиранию заблуждения.

Франция, которую Испания и Англия уже опередили в поэтической славе, Франция, гений которой сформировался, лишь когда философский дух стал распространяться, обязана была, быть может, этой самой медленности точностью, методичностью и строгостью вкуса ее писателей. Но лукавые и изысканные мысли, тяжеловесная и показная эрудиция портят еще нашу литературу.

Какое различие между развитием вкуса у нас и у древних! Реальный прогресс человеческого разума обнаруживается даже в его заблуждениях. Причуды готической архитектуры недоступны людям, обитающим в деревянных хижинах. Приобретение знаний у первобытных людей и образование вкуса шли, так сказать, одинаковыми шагами. Поэтому их уделом была примитивная грубость и слишком большая простота. Руководимые инстинктом и воображением, они постепенно улавливали отношения между человеком и предметами природы — отношения, являющиеся единственными основаниями красоты. В последующие же эпохи, когда, невзирая на несовершенство вкуса, количество идей и знаний увеличилось, когда изучение образцов и правил скрыло от глаз природу и заглушило чувства, нужно было путем размышления возвратиться к тому пункту, куда первобытных людей привел слепой инстинкт.

И кто не знает, что именно это возвращение является самым высшим усилием разума?

Наконец, все тучи рассеяны. Какой яркий свет загорелся со всех сторон! Какая масса великих людей во всех областях! Какое совершенство человеческого разума! Человек (Ньютон) подверг исчислению бесконечное; открыл свойство света, который, освещая все, сам как бы скрывается; привел в равновесие светила, землю и все силы природы. Этот человек встретил соперника. Лейбниц обнимает своим обширным умом все предметы человеческого разума. Различные науки, ограниченные сначала небольшим количеством простых понятий, доступных всем, став благодаря своему прогрессу более обширными и более трудными, могут быть отныне рассматриваемы только отдельно. Но дальнейшие научные успехи сближают их и открывают взаимную зависимость, существующую между всеми истинами, которая, связывая их, освещает одну истину посредством другой. Ибо если каждый день добавляет новое к бесконечности наук, то с каждым днем они становятся также более понятными. Ибо методы умножаются наряду с открытиями, ибо леса воздвигаются одновременно со зданием.

О, Людовик! Какое величие окружает тебя! Какой блеск твоя благодетельная рука распространила на все искусства! Твой счастливый народ стал центром просвещения! Соперники Софокла, Менандра, Горация, соберитесь вокруг его трона! Нарождайтесь, ученые академики! Соедините ваши труды для прославления его царствования! Какая масса общественных памятников, произведений гения, вновь изобретенных искусств, усовершенствованных старых искусств! Кто мог бы нарисовать эту величественную картину! Откройте глаза и смотрите!

Век Людовика Великого. Пусть твой свет украшает царствование преемника! Пусть этот свет горит вечно ярким пламенем, и да распространится он по всей вселенной! Дабы люди могли непрерывно делать новые шаги по пути к достижению истины! Дабы они могли, что еще важнее, беспрестанно делаться лучше и счастливее!

.

Среди этих переворотов в мнениях, науках, искусствах и во всем том, что не чуждо человеку, наслаждайтесь, господа, созерцанием этой религии, которой вы посвятили ваши сердца

и ваши таланты, пребывающей всегда неизменной, всегда чистой, всегда цельной, увековечивающейся в церкви и сохраняющей все черты печати, которой ее отметило божество. Вы будете ее хранителями и окажетесь достойными своего высокого назначения. Факультет ждет от вас своей славы, французская церковь своих знаний, религия своих защитников. Гений, эрудиция и благочестие, объединившиеся в вашем лице, служат прочным основанием для этих надежд.